

Новое Время

Основатель А. С. Суворинъ

№ 13758

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. СРЕДА. 2-го (13-го) ЮЛІЯ 1914 г.

№ 13758

Десятилетіе смерти Чехова.

(1904—2 июля—1914).

Так, однако, обстоит время... Неужели уже целых десять лет прошло с той минуты, когда так неожиданно мелькнула въ раскрытомъ газетномъ листѣ эта коротенькая строчка крупнаго шрифта—телеграмма изъ Баденвейлера? Такъ сильно еще впечатлѣніе... Все вниманіе было поглощено тогда войной, ждали новостей «оттуда», но тѣмъ острѣе рѣзнула эта строчка и тѣмъ неожиданнѣе показалаъ принесенная ею новость. Хотя всѣ знали о долгой болѣзни писателя и послѣднія извѣстія говорили объ ухудшеніи, но смерть всегда отталкивается наии, какъ что-то невозможное...

Часы пренебрежительно отхлѣбли съ той поры полное десятилетіе, и день Чехова долженъ былъ бы уже стать для насъ привычнымъ днемъ. Объ этомъ я угадалъ!

насъ много не разъ, но, кажется, сами утраченіе плохо вѣрили въ свои увѣренія... Вообще, все эти наши «обновленія» и «перемѣны» послѣднихъ лѣтъ какъ-то очень напоминаютъ духовныя метаморфозы любимыхъ героевъ Льва Толстого. Пьеръ Безухій и Константинъ Левинъ внутренне перерождались каждую весну, но на слѣдующую имъ приходилось начинать сызнова. Ничего почему-то не «соприкасалось» и не «запиралось», какъ слѣдуетъ... Наша эпоха недаромъ все еще стоитъ «подъ знакомъ» Льва Толстого, и этотъ «бытъ на мѣстѣ» въ высшей степени характеренъ для нея. Для проверки впечатлѣній лучше всего обернуться на что-либо подлѣжащее, и вотъ «ретроспективный» взглядъ на застывшее во времени творчество Чехова лучше всего отрезвляетъ насъ. Это творчество осталось тамъ, гдѣ его покинулъ художникъ, но, оказывается, что онъ все еще съ нами, все еще окружаетъ насъ. Потому, что едва-ли у кого-нибудь хватитъ мужества утверждать, что «глубокая» провинціальная Россія, которую одну собственно изображалъ Чеховъ, особенно измѣнилась съ его поры, что обязательно «интеллигентскій» бытъ въ ней сталъ другимъ или даже хотя бы монѣе обывательскимъ. Нѣтъ, мы все еще живемъ въ чеховскихъ «сумеркахъ» и Богъ вѣсть даже, доживаемъ ли ихъ или находимся еще въ самой ихъ гущѣ... Конечно, лѣтъ черезъ двѣсти, черезъ триста, жизнь станетъ «великолепной, необыкновенной» — за это намъ ручается полковникъ Вершининъ. Но пока... Да и самая горячность этого ручательства внушаетъ скептикамъ подозрѣнія: какъ-то очень похожа она на лихорадочную грезу умирающаго отъ жажды о холодномъ свѣжестѣ родника. Двигается ли куда-нибудь караванъ? Блеститъ ли вдали родникъ?

Въ столицахъ, въ Петербургъ, въ Москвѣ, сдѣлилось за это десятилѣтіе, конечно, много «течений». Въ Москвѣ особенно... Но вѣдь уже давно извѣстно, что «въ столицахъ шумъ, гремятъ витія». И сила творчества Чехова, можетъ быть, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ почти весь, на три четверти своего духовнаго существа, сидѣлъ «во глубинѣ Россіи» — не столько, правда, деревенской, сколько городской. Петербурга Чеховъ не любилъ и плохо зналъ его, петербургская обстановка въ «Рассказъ незнакомца» нарисовала наивно и неприемлемо-неудачно для Чехова. Москву, которую онъ такъ любилъ, онъ бралъ собственно, какъ провинцію, какъ тотъ же «Таганрогъ» — да въ его годы (Чеховъ болѣе или менее прочно жилъ въ Москвѣ вѣдь только въ 80-е годы) Москва была еще почти провинція и не выработала еще современную, свою, «московскую» физиономію. Москва, въ которую стремятся «три сестры», совсѣмъ еще не Москва Валеріи Брюсова, десятиэтажныхъ небоскребовъ, футуристовъ и боснопожеск. Дѣлаю эту историческую справку, потому что у насъ любятъ говорить о московскомъ патриотизмѣ Чехова. Но здѣсь крестя недоразумѣніе и вотъ гдѣ уместна поправка времени. Нѣтъ, Чеховъ, это — провинція, губернская и уѣздная Россія, и постольку, конечно, коренная Россія, самая ея «суть» и «шутро».

Но тихо идетъ по уѣзднымъ дорогамъ обывательскій вагонъ сундукъ-тарантасъ, «трюхъ-трюхъ», и за все десятилѣтіе далеко не уѣхать... Что, можетъ быть, и къ лучшему? Почему-то сложилось на нашемъ русскійскомъ просторѣ это странное присловіе: «Тише идешь — дальше будешь»...

Кстати, былъ ли бы Чеховъ тѣмъ крупнымъ художникомъ, котораго мы всѣ въ немъ чтимъ, если бы онъ изображалъ не это «неподвижное дно» русской обманчиво-переменчивой рѣки, если бы онъ не коснулся самыхъ основъ страны? Мнѣ кажется, именно эта черта отдѣляетъ его отъ ближайшихъ, столь многотружныхъ и столь быстро сменяющихся другъ друга въ «забодневной» роли его преемниковъ. Эти всѣ какъ-то «периферійны» сравнительно съ нимъ, и не только въ смысле субъективности таланта, но и въ отношенія его направленія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ограничена социальная сфера Максима Горькаго, не говоря о позднѣйшихъ! Босакъ, интеллигенты, рабочіе—и репертуаръ исчерпанъ. Даже интеллигенты исключительно «радикальнаго» оттенка (поскольку они не карикатурны) Леонидъ Андреевъ, Арцыбашевъ и прочіе—тѣ, даже до рабочей среды дотянуться уже не могутъ, даже босакъ для нихъ уже «запредѣльный» типъ. Все еще Россія, вся и вслчская Россія остается въ литературномъ своемъ изображеніи только такою, какой оставилъ намъ ее Чеховъ. Мы не имѣемъ ея общихъ, объективныхъ картинъ (сколько-нибудь заповнившихся художественно) болѣе позднаго происхожденія. И не служить ли это еще лишнимъ доказательствомъ, что мы живемъ все еще въ той же самой, чеховской Россіи?

Мнѣ кажется, со временемъ—и это будетъ уже скоро—изъ творчества Чехова отпадетъ и «придетъ въ забвѣніе» именно та часть, которую больше всего цѣнили современники и которая доставила писателю при жизни наибольшій успѣхъ. Это—последняя, наиболѣе «скучная» полоса, и главнымъ образомъ его пьесы. Онѣ дали своему автору тотъ шумный успѣхъ, какой могутъ дать только подмостки сцены. Но посмотрите, какъ онѣ уже устарѣли... И не только слабый «Вишневый садъ» (Чеховъ совсѣмъ не знаетъ дворяно-помѣщичьей среды, которую клялся въ немъ изобразить, изобразивъ все тѣхъ же своихъ интеллигентовъ), но и трилогія «Чайки», «Дяди Вани» и «Сестеръ». Всѣ онѣ кажутся теперь точно одной пьесой въ близкаxъ вариантахъ—все той же трагедіей безытнотной интеллигентщины. Хотя дѣйствіе почти всюду происходитъ въ деревнѣ, но въ дѣйствительности это—городскія пьесы, и самая «скука» ихъ какая-то слишкомъ переуличная. Теперь это стало скучно уже почти безъ кавычекъ, и десятилѣтняя проба дала здѣсь себѣ знать...

Совсѣмъ другое—ранняя, объективная полоса чеховскаго творчества. Его первые сборники положительно неувадаемы. Шедеря—«Въ сумеркахъ», «Хмурые люди» и даже «Нестрые рассказы» (въ первомъ изданіи—вслѣдствіи Чеховъ сильно шпюртилъ ихъ передѣлками) «пройдутъ въконѣ запыленную даль». И «въ вѣкахъ» именно по нимъ будутъ судить о Россіи чеховскаго времени, то-есть о нашей Россіи. Временно отодвинутые на второй планъ, онѣ въ-временной силѣ художественной (близости неизбѣжно выступить снова на первый. Ибо «объективное» въ Чеховѣ

преобладаю все-таки надъ «субъектив-
нымъ». И въ слѣдующій чеховскій юбилей
будутъ говорить болѣе всего объ этихъ его
«живыхъ фотографіяхъ» русской жизни и
души.

П. Перцовъ.
